

Прим. переводчика: первая глава в которой я удосужился исправить пунктуацию на более правильную, можете судить.

Сын Рима

— Ублюдок, — прорычал я. — Мерзкий старый негодяй. Беспольный копатель сортиров. Я повешу тебя на крест.

— Не сомневаюсь, — сказал Сократ, не впечатлённый. Моя язвительность не замедлила его шага, не ослабила железную хватку на моей шее.

Мы шли впритык друг к другу по Каукосо Монс. Сократ, видимо, решил не повторять наш стремительный подъём, и, не имея другого выбора, мне пришлось использовать в качестве трости то же самое копьё, которое искалечило мою левую ногу. Наверху продолжала реветь бессмертная буря Культа Бушующего Неба. И Грифон был где-то там, в ней.

— Если ты убил его, я...

— Распнёшь меня. Да, ты только что это сказал.

Я ударил локтем, но с таким же успехом я мог ударить гору. Сократ даже не вздрогнул, только крепче сжал мою шею, пока по краям моего зрения не появилась темнота.

— Что там? — спросил я, сосредоточившись на вырубленных в камне ступенях, по которым мы спускались. Одна нога впереди другой. Меня избили до полусмерти, сломали и искалечили в нескольких местах, и Грифон был не сильно лучше. Я не сомневаюсь, что он пережил падение, как-то, но я не мог знать, с чем он столкнётся в облаках. Вершина Каукосо Монс была полностью закрыта от глаз вечной бурей, столбом гнева, вздымавшимся до самых небес.

— Как ты думаешь, мальчишка? — спросил Сократ. И после недолгого молчания он потряс меня за шею, как бродячую собаку. — Это был не риторический вопрос.

Я вспомнил, как впервые поднимался по этим ступеням вместе с Анастасией. О том, что она рассказала мне о Бушующем Небе и его вечной буре.

— Члены культа называют это место памятником гордыне, — ответил я, моё беспокойство нарастало. — Из чего следует, что буря - это памятник невзгоде.

— Достаточно точно, — сказал он, ведя нас на извилистую тропинку, которая уходила вниз через ряд пересаженных гротов. Он беззаботно сорвал с обвисшей ветки дикую грушу, необъяснимо спелую, несмотря на зимнее время года. Он откусил кусочек и начал шумно жевать, с задумчивым взглядом в его простых карих глазах. — Но это далеко не полная картина. Ты понимаешь основы того, что такое невзгода, да? Аристотель научил тебя хотя-бы этому?

Я нахмурился: «Невзгода - это небесное наказание за гордыню человека».

— Продолжай.

— Когда мы выходим за рамки нашего положения, всегда находится более великая сила, чтобы напомнить нам о нашем месте, — сказал я. — Когда у человека заканчиваются другие люди,

чтобы напомнить ему о его пределах, в дело вступают Небеса.

— Красиво сказано, но это не тот путь, по которому я хотел пойти.

— Что ты хочешь, чтобы я сказал? — спросил я, раздражённый. — Невзгода есть невзгода. После определённого момента культиватора бьёт молния, каждый раз, когда он продвигается.

— Лучше, — сказал он, и я насмешливо хмыкнул. Его рука была занята тем, что вела меня за шею, так что вместо этого мудрец ударил меня лицом о близлежащее грушевое дерево, расколов кору. — Разговор не обязательно должен звучать как искусство постоянно. Мир и так уже полон чудес, так что не нужно пытаться создать свои собственные с помощью искусной речи.

Грек, говорящий Римлянину быть более кратким. Грифон забрал у меня больше, чем я думал.

— Ты хочешь сказать, что Буря, Которая Никогда Не Прекращается, — это не просто буря, — сказал я. Это было очевидно, об этом мог догадаться любой, взглянув на локализованный столб облаков, которые ни разу не сдвинулись с места. Но я должен был знать. Я должен был быть уверен в том, с чем столкнулся Грифон.

— И да, и нет, — сказал Сократ. — Что отличает обычную молнию от молнии невзгоды?

— Намерение.

— И почему ты так считаешь?

Я уделил вопросу то внимание, которого он заслуживал. Я подумал о прошлом: «Только в моменты вознесения я видел, как молния падает с чистого голубого неба».

— И это значит, что иначе не бывает? — надавил Сократ. — Видишь ли ты всё, что можно увидеть, в прошлом, настоящем и будущем?

Я нахмурился: «Нет, но...»

— Но?

— Но молния не бьёт с ясного неба без причины. Это нелепо.

— Жизнь нелепа, мальчишка. Пока мы не поймём "почему" и "как", "что" всегда будет абсурдным. Частая ошибка культиваторов заключается в том, что они разделяют действия природы и действия культивации, как будто эти два явления имеют ясные отличия друг от друга. Как будто между ними вообще есть какое-то разделение. Как ты можешь знать, что это нечто уникальное для молний невзгоды?

Мы свернули ещё раз, вернувшись на высеченную в камне лестницу, но она была облицована мрамором без прожилок драгоценных камней и вела в гору, а не вверх или вниз по ней.

— Ты утверждал, что: «философ — это человек, который знает свои пределы, что он вообще ничего не знает», — продолжал Сократ со странным презрением. Он вздохнул. — Подобные утверждения приятны для слуха и не обязательно не соответствуют действительности, но в них нет сути. Философы — это, в конечном счёте, люди, которые понимают, что в этом мире есть бесчисленное множество вещей, которые мы не знаем. Таким образом, натурфилософия — это

попытка человека понять правила природы в той малой степени, в какой он сможет, прежде чем он умрёт.

— Это легко, доказать, что человек неправ, — говорил старый философ. — Что трудно, так это доказать, что он прав. Поэтому я спрошу тебя ещё раз. Что отличает свет, бьющий перед громом, от кары небесной?

Я нехотя наклонил голову и признался: «Я не знаю».

— Хорошо. Это честный ответ.

— Так в чём разница? — спросил я его через некоторое время.

Сократ пожал плечами: «Я уверен, что твой друг расскажет тебе, если выживет».

— Какой в этом смысл, если ты не собираешься мне ничего рассказывать? — спросил я раздражённый. Сократ бросил на меня косой взгляд.

— Я пытаюсь понять, есть ли что-то за твоими глазами, мальчишка. Если тебя не устраивают ответы, которые ты получаешь, то задавай вопросы получше.

Я прикусил язык, подавляя свою язвительность, и задумался.

— Всегда ли буря была здесь?

— Ничто никогда не было всегда.

— Была ли буря здесь до появления города? — поправил я.

Он хмыкнул: «Нет».

— И что насчёт культа?

— Что насчёт культа?

Я нахмурился, но уточнил: «Что появилось раньше? Буря, Которая Никогда Не Прекращается или Культ Бушующего Неба?»

— Буря.

Мои мысли завертелись. Сначала город, потом буря, потом культ. Как объяснил мне Грифон и как я сам убедился ещё в Алом Городе, великие культы тайн свободного Средиземноморья были созданы вокруг природных тайн. Сущностей, вроде разрезанного трупа павшего бога солнца, которые не поддавались никакому объяснению. Которые не могли быть поняты смертным разумом.

— Является ли буря тайной? — спросил я. Сократ склонил голову.

— Да.

— Значит, это часть обряда посвящения, — догадался я.

— Верно.

— Значит, это безопасно, — нажал я, желая, чтобы это стало правдой.

Сократ разразился коротким, уродливым смехом: «Нет, мальчишка. Нет, это совсем не безопасно. Скажи мне, что ты знаешь о Культe Бушующего Неба?»

— Это культ, состоящий из других культов. Место сбора для культиваторов, подобно тому, как город Олимпия является местом сбора для Греческих культур.

— Верно, — сказал он. — Я полагаю, что, как бы опасно это ни было, Аристотель хотя бы коснулся политического значения Олимпии?

Я кивнул, насколько это было возможно при его железной хватке на моей шее. В конце концов, я достаточно часто просил его рассказать об Олимпийских Играх: «Его называют городом-святилищем, потому что, какие бы конфликты ни бушевали в Средиземноморье, каждый из его городов откладывает свою борьбу, чтобы собраться вместе и принять участие в играх. Каждые четыре года, с момента зажжения олимпийского огня и до коронации чемпиона, в Средиземноморье царит мир».

— В зависимости от определения слова мир, — сказал Сократ. — Но да. Олимпийские Игры служат в качестве временного перемирия, возможностью, пусть и кратковременной, для неразумных людей испытать момент ясности. Город Олимпия, как место проведения игр, соответственно приобрёл статус святилища. Независимо от союзов и вражды между городами-государствами, Олимпия остаётся нейтральной территорией. Потому что, если уж на то пошло, она, по крайней мере, должна продолжать существовать, чтобы мы могли наслаждаться играми. А с этим могут согласиться даже самые ненавистные враги.

— Весь мир ради хлеба и зрелищ, — пробормотал я, понимая, что это за чувство. Это была почти ностальгия, напоминание о моих днях до легионов, до Аристотеля. Когда всё, что действительно имело значение, — это кто победит в гонках колесниц в этот день.

— Некоторые вещи одинаковы, куда бы ты ни пошёл, — согласился Сократ. — И теперь, так же, как город и его игры служат нейтральной территорией, то же относится и к Культe Бушующего Неба. Культиваторское решение для культиваторской проблемы.

Я нахмурил брови: «Я не понимаю».

— Конечно, не понимаешь, — сказал Сократ, невероятно раздражённый. — Почему по-твоему я был так зол из-за вас двоих? Ты даже не представляешь, какие силы здесь действуют. Культ Бушующего Неба — это нейтральная территория для культиваторов, и в особенности для культов великих тайн. Это не случайность, что все из старейшин культа — это Тираны из разных городов-государств. О чём это тебе говорит?

Я задумался. Олимпийские Игры были чудом политического маневрирования, но они проводились только раз в четыре года и в течение короткого периода времени. Это было одно дело, когда человек откладывает свои обиды на пять дней. И совсем другое — когда он делает это на неопределённо долгий срок. И всё же, здесь находились Тираны каждого из великих культов тайн, сосуществовавшие на протяжении столетий без какого-либо открытого конфликта между собой.

Это само по себе поразительно, но что-то в этом было такое, что заставило меня задуматься. Перед тем как я успел ответить, мои зубы щёлкнули друг о друга. Я ещё раз прокрутил в голове его вопрос, проверяя каждое слово.

Это не случайность, что все из старейшин культа – это Тираны из разных городов-государств.

Тираны.

— Культивация делает нас больше теми, кто мы есть, — пробормотал я. Я не так много знал о Греческом стиле, но некоторые вещи были повсеместными. — Философ растёт, действуя как философ. Герой растёт, совершая героические подвиги.

— И Тиран растёт в актах тирании, — закончил мысль Сократ. Он взмахнул свободной рукой. — Продолжай.

— Человек не становится Тираном по ошибке, и культиватор не заходит так далеко на удаче, — сказал я, нахмурившись. — Зачем такому человеку соглашаться на должность в подобном учреждении? Что можно завоевать в городе, где царит нейтралитет?

— Совершенно ничего, — ответил Сократ. Тем не менее, он выглядел ожидающим.

— Тогда почему? — спросил я. — Зачем они здесь, если знают, что это задушит их культивацию?

Всё, что я знал о Греках, и особенно об их культиваторах, говорило мне, что в этом нет никакого смысла. Их Тираны не были верны их народу так же, как Римский диктатор был верен Республике. У них не было понятия о том, чтобы повесить свои лавровые короны и вернуться в свои скромные поместья. Идеал Цинцинната здесь не существовал. Так почему же?

— Что здесь есть такого, что стоит больше, чем их прогресс?

— Ты сделал предположение, для которого у тебя нет оснований, — сказал Сократ. Я посмотрел на него в замешательстве. — Ты предположил, что они пришли сюда в поисках чего-то. Более того, ты предположил, что они вообще решили прийти сюда.

Мои глаза расширились.

— Это противоречит природе Тирана – мирно существовать рядом со своими соперниками, — с абсолютным презрением сказал Сократ, когда мы достигли подножия мраморной лестницы и переступили через аметистовую арку. — Но это полностью в природе Тирана – сломить своих соперников и сложить их у себя под ногами. Старейшины Культа Бушующего Неба находятся здесь не потому, что они так решили. Они находятся здесь потому, что кириос пришёл к ним и сорвал их короны, свергнул их с их тронов и, одного за другим, притащил их избитые тела обратно в этот город.

Мы вошли в усадьбу покойного кириоса, в самое сердце Каукосо Монс.

Точная копия двора ждала нас внутри, грандиозная пещера с потолками такой высоты, что их невозможно было бы разглядеть, если бы не аметистовые прожилки, проступающие сквозь камень и излучающие слабый, но стойкий свет. Вдоль стен горели жаровни, а с величественных колонн, возвышающихся от пола до потолка, нависали факелы. Всего колонн

было восемь, и факелы, прикреплённые к каждой, горели пламенем разных цветов. Всё место воняло дымом, хотя воздух был совершенно чист.

Стены двора внутри горы были вырезаны изящной рукой пифагорейца, создающие всего восемь углов. Массивный октагон, и по колонне на каждую сторону. Наконечник моего копья издал странный звон, когда он ударился, чтобы поддержать мой следующий шаг, и когда я посмотрел вниз, то увидел, что под нашими ногами не простой камень, а мозаичная дорожка из осколков слоновой кости и золота. Она вилась перед нами в октагоновый двор, закручиваясь спиралью в центре и создавая массивный портрет человека, которого я не узнал, а затем разветвлялась в восемь сторон к каждой из восьми стен двора.

Каждая мозаичная дорожка, выходя из центра цвета слоновой кости и золота, постепенно переходила в другие оттенки драгоценных камней, пока в конце концов не совпала с цветом пламени, горевшего на колонне этой стороны.

Каждая дорожка заканчивалась у церемониального треножника. В данный момент все треножники были пусты.

Кроме одного.

— Солус!

— Селена? — недоверчиво спросил я, наблюдая, как она спрыгивает со своего треножника и устремляется к нам.

— Ты ранен! — воскликнула она, остановившись в двух шагах от меня и наклонившись вперёд, её руки нависли над моими самыми заметными ранами. Я не мог видеть её глаза за золотой вуалью, но теперь, когда я знал, что искать, я мог видеть слабый отблеск, отбрасываемый алым пламенем её сердца. Было достаточно легко представить, как эти глаза с тревогой скользят по моему телу.

— Он в порядке, — хриловато сказал Сократ.

— Он избит до полусмерти, — возразила Селена. — Кто сделал это с ним? Где ты нашёл его... — Внезапно она остановилась и выпрямилась во весь рост, который, если честно, был не особо впечатляющим. — Это ты сделал это с ним?

— Да, — без стыда признался Сократ.

— Почему?

— Ты знаешь, почему, — сказал он. Он повёл меня вперёд, оттеснив, хотя и без особой силы, девушку в шелках с солнечными лучами. Она шла лишь на шаг позади и рядом со мной, её руки двинулись, как будто желая поддержать меня, и затем вернулись на свои места. — Если верить этому мальчишке и его друзьям, ты воочию видела, чем он занимается.

— То - это то, а это - это это, — горячо сказала она. Я почувствовал сильное головокружение, когда дочь Тирана ругала одного из самых могущественных людей, которых я когда-либо встречал. — Он едва может ходить.

— Он будет жить, — отмахнулся Сократ. — Или не будет. В любом случае это не стоит того, чтобы жаловаться.

— Что ты здесь делаешь? — спросил я, наконец-то найдя свой голос.

Сократ закатил глаза: «А где, по-твоему, оракулы проводят время, когда они не в своих храмах?»

Я резко остановился, и я тут же потерял равновесие, когда Сократ этого не сделал. Копьё выскользнуло из-под меня, и я рухнул на мозаичный пол из слоновой кости и золота, уставившись на девушку, которая тут же нагнулась, чтобы помочь мне подняться.

— Ты Оракул? — ошеломлённо спросил я.

Селена прикусила губу: «Да».

Некоторые вещи внезапно стали гораздо более понятными, а другие – ещё менее. Зная, что она Оракул, мне потребовалось лишь мгновение, чтобы понять, какой именно Оракул. Её запятнанный солнцем наряд был довольно красноречив, как и то, что она буквально спрыгнула с алого треножника, чтобы подойти к нам.

— Ты – Аликонский Оракул? — сказал я, принимая её руку и позволяя ей поднять меня на ноги. Сломанные кости захрустели, и моя нога продолжила бесполезно болтаться.

— Да.

Сократ издал нетерпеливый звук, недовольный тем, как быстро я восстанавливаю равновесие. Селена поднырнула под мою руку, державшую трость-копье, и приняла на себя вес моей левой половины. Сократ продолжал идти, а я, хотя и подумывал о том, чтобы вырваться и попытаться вернуть Грифона, с трудом представлял себе, что успею добежать до подножия ступеней, прежде чем меня снова схватят. Я сделал мучительный шаг вперёд и продолжил путь, опираясь на поддержку Селены.

— Я думал, что Оракулы должны быть старухами, — пробормотал я. Селена наклонила голову, и когда она ответила, голос её был печальным.

— Так и есть.

Мне пришло в голову ещё кое-что, и я окинул взглядом двор, и все восемь его священных насестов: «Эти треножники. Это не просто сиденья».

— Пророчества произносятся с небесного престола, — сказал Сократ через плечо, перешагивая через незнакомый мозаичный портрет в центре двора и продолжая идти прямо, по дорожке из слоновой кости и золота.

— Но почему они здесь? — спросил я в недоумении. — У Оракулов есть храмы снаружи, где они могут принимать посетителей. Зачем они нужны им здесь...

И я понял.

— Продолжай, тогда, — потребовал Сократ. — Поделись своим откровением со всеми в комнате.

— Кириос – король в своих владениях, — сказал я, и кусочки мозаики сложились у меня в голове. — В меньшем культе это может означать власть над Героями, Философами и Гражданами. Но здесь, кириос властвует и над Тиранами тоже.

Тиран среди Тиранов. И голод соответствующий.

— Он присвоил себе Оракулов, — сказал я, оглядывая двор новыми глазами. — Он использовал нападение Александра на свободные города как предлог и привёл их сюда. Он построил храм в своём поместье и наполнил его всеми Оракулами под солнцем. Для себя.

— Ты начинаешь понимать, какой властью обладает Тиран Олимпии, — сказал Сократ, подойдя к дверям из слоновой кости в дальнем конце двора и открыв их. — Это то, что старейшины Бушующего Неба, каждый из которых является Тираном в своём владении, пытаются захватить для себя. Это та борьба, в которую ты и твой дружок-идиот так нагло влезли.

С помощью Селены я вошёл в соседнюю комнату и увидел покои покойного кириоса. Грандиозные, да. Показные, безусловно. От личного кабинета Дэймона Этоса они отличались как небо от земли. К сожалению, у меня не было времени, чтобы как следует оценить это зрелище. Сократ уже распахнул очередную дверь из слоновой кости и последовал глубже в недра горы.

— Куда мы идём? — спросил я наконец, не в силах больше молчать. — И зачем?

Несмотря на то, что мы потерпели болезненную неудачу, мы с Грифоном набросились на старого философа со всей нашей силой. Хотя это и не оставило никаких следов, мы смогли ударить его. И хотя он бросил Грифона в бурю он признал, что это место откуда можно вернуться. Сократ не убил его, и ему ещё предстояло убить меня. Почему тогда, он был так разгневан тем, что мы сделали?

— Я уже сказал тебе. Я знаю, что у тебя есть уши, мальчишка.

У меня нет другого выбора, кроме как исправить то, что он оставил незавершённым.

Сократ распахнул ещё одну дверь, самую показную, и мы вошли в совершенно неукрашенную комнату.

Даже назвать её комнатой можно было лишь с натяжкой. Если остальная часть подземных владений кириоса была явно рукотворной, тщательно вырубленной в горе и наполненной земными сокровищами, то эта комната была похожа не более чем на небольшую пещеру. Здесь не было ни мозаичного пола, ни колонн, а стены были естественно шершавыми и неровными.

Дверь за нами закрылась, и единственный свет в комнате исходил от аметистовых прожилок в стенах. Лишь достаточно яркий, и при помощи улучшенного зрения культиватора, чтобы увидеть то, что находилось в центре комнаты.

— Аристотель оставил тебя незавершённым, — сказал Сократ, скрестив руки. — И теперь у меня есть два варианта. Я могу позволить твоим глупым выборам привести тебя к их естественным последствиям, или я могу закончить твоё образование и, возможно, увидеть тебя прожившим достаточно долго, чтобы стать добродетельным человеком.

— И при чём здесь это? — спросил я, глядя на каменную плиту, торчащую из земли, — единственный предмет в комнате с чётким угловатым силуэтом. Это была скрижаль размером с человека, испещрённая чеканными письменами.

— Добродетельный человек — это мирской человек, — сказал Сократ. — А мирской человек

должен знать язык, где бы он ни находился.

Я вспомнил Эос, и удивительную способность Грифона говорить с несколькими людьми, которые просто не могли знать его родной язык, и то, как легко он их понимал. И я подумал обо всех культиваторах, с которыми я говорил после прибытия в город-святилище...

С которыми я говорил на Латыни.

Я болезненно опустился на колени перед скрижалю. Селена устроилась рядом со мной, сияние её глаз за золотой вуалью стало ещё более заметным в темной комнате.

— Это то, как культиваторы разговаривают друг с другом? — спросил я. Сократ хмыкнул.

— Все языки объединены одной целью, — пояснил он. — Передать информацию от одной души к другой и быть услышанным. Звуки могут быть разными, но смысл остаётся тем же. У каждой культуры есть основополагающий миф, первая история достойная рассказа. Каждая из этих историй записана на этом осколке Вавилона и на всех других таких же осколках.

Я уставился на скрижалю. Без каких-либо сомнений я знал, что ничего подобного в Риме не существует.

— Читай, — велел Сократ, — и учись. Я отказываюсь учить человека, который говорит только на варварских языках.

Я рассматривал текст, каждую тщательно вырезанную строчку. Камень был покрыт от края до края, три секции были аккуратно отделены друг от друга, каждая на разном языке, который менялся по мере того, как я смотрел на них. Сам текст был аккуратно вырезан, легко различимый даже при слабом освещении.

И всё же...

— Я не могу.

— Ты что?

Я почувствовал, как Селена напряглась рядом со мной от опасного тона старого философа.

— Ты хочешь сказать мне, мальчишка, — сказал Сократ с жестокой интонацией, — что Аристотель не научил тебя читать?

— Дело не в этом, — сказал я, раздражённый и разочарованный в равной степени. Я чувствовал, как начинает болеть голова в дополнение ко всем остальным моим ранам. — Это... это беспорядок. Как будто две истории написаны одна поверх другой.

Как только я произнёс это вслух, меня осенила идея. Я закрыл левый глаз, и внезапно половина наложенного друг на друга текста исчезла, и я смог прочитать среднюю часть.

С Муз, Геликонских богинь, мы песню свою начинаем.

На Геликоне они обитают высоко, священном.

Нежной ногою ступая, обходят они в хороводе

Жертвенник -----.

— Почему ты закрыл глаз? — спросил Сократ, и я поднял глаза, потрясённый.

— Теперь я могу прочитать.

— Только правым глазом? — настойчиво спросил он, почему-то более взволнованный, чем когда-либо после нашей первой встречи за пределами бани.

Я снова посмотрел на Вавилонский осколок и закрыл правый глаз, открыв левый.

Битвы и мужа пою, кто в Италию первым из Трои -

Роком ведомый беглец - к берегам приплыл Лавинийским.

— Я вижу разную историю каждым глазом, — понял я, узнав обе с детских лет. — Теогония и Энеида.

— О, — выдохнула Селена.

И пока я продолжал читать обе истории, попеременно открывая и закрывая то один, то другой глаз, я почувствовал, как что-то необъяснимое и глубокое проникает в меня через глаза, через череп и по линии позвоночника. Что-то первобытное, вызывающее те же ассоциации, что я ощущал, глядя на разрезанный труп павшего бога солнца. Что-то мощное.

И тут меня снова прервали, когда Сократ ударил сжатым кулаком по камню позади себя с такой силой, что тот разлетелся вдребезги.

— Две истории, — выплюнул он. — Две истории. Я убью этого брошенного сына трёх шлюх.

— Что? — спросил я, совершенно растерянный.

— Ты не должен видеть две истории, мальчишка. Эти скрижали показывают тебе основополагающий миф твоей культуры. То, что ты видишь на этом камне, отражает твою сущность. Это маркер твоей культуры. И ты видишь Греческую и Римскую.

Он снова ударил по стене. Я закашлял от подавляющего запаха дыма.

— Твои основы не просто незакончены, — сказал Сократ с нарастающим гневом.

Селена закончила его мысль, совершенно очарованная.

— Они расколоты надвое.